

Aleksey Vasilyev:
“My whole family is closely connected
with the school...”

An Interview with an acting Rector
of the St. Petersburg State Conservatory

Алексей Васильев:
**«Со школой связана
вся наша семья...»**

В преддверии празднования юбилея Средней специальной музыкальной школы Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова мы побеседовали с исполняющим обязанности ректора Консерватории, виолончелистом, дирижером и педагогом Алексеем Николаевичем Васильевым. Представитель петербургской музыкальной династии поделился своими воспоминаниями о годах, проведенных в стенах школы, и рассказал о том, каким он видит ее будущее.

Дмитрий Брагинский. Школе-десятилетке в этом году исполнилось 80 лет. Какой Вы видите ее с позиции руководителя?

Алексей Васильев. Школа на протяжении последних 10 лет является структурным подразделением Консерватории, ее неотъемлемой частью. Она требует к себе ничуть не меньше внимания, чем любой из действующих факультетов, с точки зрения как образовательного процесса, так и финансового обеспечения. Улучшить хочется очень многое, в том числе повысить уровень зарплат высокопрофессиональных преподавателей, готовящих не только артистов оркестра, но и солистов. Это самый важный вопрос, который мы, по мере возможности, будем решать в первую очередь. По уровню заработной платы наша школа должна встать в один ряд хотя бы с районными школами, которые находятся в ведении Комитета по образованию.

Еще беспокоит уровень подготовки учащихся по русскому языку и литературе. В действующем Законе об образовании в нашем случае четко прописано, что основными вступительными испытаниями в вуз являются именно эти дисциплины, а все, что касается специализации, закон определяет как «дополнительные вступительные испытания». Случается, что наши абитуриенты, в том числе выпускники школы-десятилетки, блестяще пройдя профессиональную часть, «вылетают» из потока при сдаче экзамена по русскому языку, хотя он проводится в достаточно простой форме диктанта. Запланирован ряд мероприятий, направленных на улучшение уровня подготовки по этим предметам. Причины две: во-первых, я считаю, что ни одному музыканту отнюдь

не повредит знание своего родного языка и литературы, а во-вторых, таковы федеральные требования.

Алена Зубарева. Поделитесь, пожалуйста, воспоминаниями о школьных годах.

А. В. Самое яркое воспоминание — это мое поступление в школу в возрасте 7 лет. Папа привел меня на консультацию к выдающемуся виолончелисту, профессору Консерватории Анатолию Павловичу Никитину, который преподавал и в десятилетке. Отец очень тщательно меня проинструктировал перед поступлением в такую особенную школу, кроме того, прослушивание было назначено в Консерватории! Мы подошли к 24 классу, дождалась, когда в уроке наступила пауза... и папа открыл передо мной дверь. Я вошел в класс и, увидев Анатолия Павловича, который сидел за своим традиционным круглым столом, громко и отчетливо, как меня учили, сказал: «Здравствуйте!». Анатолий Павлович повернулся в мою сторону и, не ответив на приветствие, стал очень внимательно и долго меня изучать, а в моей голове тем временем пронеслось: «Может, я что-то неправильно сказал или сделал?» После этого Анатолий Павлович задал вопрос, ответ на который стал смыслом всей моей жизни. Он спросил: «А ты зачем сюда пришел?» Я некоторое время подумал и ответил так, как мне показалось в данной ситуации самым естественным и правильным: «На виолончели играть». Лицо Анатолия Павловича смягчилось, и он сказал: «А, ну тогда заходи». Я уже и не помню, что тогда ему сыграл и что он мне по этому поводу сказал. Запомнился именно его вопрос, который в тех или иных ситуациях я часто задаю себе, и он помогает мне найти решение многих проблем.

Более поздние впечатления связаны с подготовкой к юношеским музыкальным конкурсам. Помню, как очень долго готовился к «Пражской весне». Было достаточно строгое внутреннее школьное прослушивание, которое я не прошел. Опыт оказался не слишком приятным, но крайне полезным: стало ясно, как все серьезно и насколько хорошо надо быть подкованным, чтобы выходить на большую сцену.

А.З. Кто из учителей больше всего запомнился, повлиял на Ваше профессиональное становление?

А.В. Все учителя в школе были просто замечательные. Не могу кого-то выделить — я ко всем относился с одинаковым уважением. Очень тепло вспоминаю хорошие занятия, которые проводила Раиса Иосифовна Середа. Раз в году, 9 мая, мы обязательно выступали в Большом зале филармонии, где проходил отчетный концерт школы. Помню эти впечатления: весна, майская погода... У нас был разный репертуар, в том числе и патриотические произведения, приуроченные ко дню Победы. Запомнились не только эти концерты под руководством Раисы Иосифовны, но и подготовка к ним.

Но мы занимались не только музыкой, строгие требования были и по общеобразовательным предметам. Нас учили высокопрофессиональные и очень принципиальные учителя. Например, русский язык и литературу вела Татьяна Ароновна Васильева, которая требовала от нас безупречной грамотности. Я до сих пор с большим раздражением отношусь к опечаткам или погрешностям пунктуации в тексте. В те годы школа, безусловно, оправдывала свое название «специальной», потому что в ней и специальности учили замечательно, и всем остальным навыкам, которые необходимы человеку в жизни. Вообще, я сторонник гармоничного развития личности — чем больше знаний, тем легче ориентироваться в жизненном пространстве!

Нельзя не вспомнить и классных руководителей. Так уж получалось, что наш класс всегда попадал к самым строгим наставникам. В начальных классах это была Людмила Михайловна Стефанович. В средних классах менялся классный руководитель, и все третьеклассники боялись попасть к Любове Ивановне Костюкевич, преподавателю биологии. При ее появлении в коридоре все выстраивались по стойке смирно: она мигом пресекала всяческие попытки бегать, кричать и баловаться... Когда мы перешли в 4 класс, выяснилось, что именно она и будет нашим классным руководителем! Оказалось, что это очень добрая и милая женщина, и все мы очень полюбили ее. Между 7 и 8 классами классный руководитель опять менялся, и мы снова стали гадать: кто же это будет теперь? Единственное, о чем мы мечтали, чтобы это была не Инна Павловна Назарян, которая вела физику, но попали к ней! Тем не менее, у нас сложились прекрасные отношения, и мы очень быстро нашли общий язык. Ее методика преподавания физики была такова: если ты сидел на уроке и внимательно слушал, что она говорит, у тебя всегда была чистая пятерка.

А.З. Какие-то шалости, проделки из школьных лет хорошо запомнились?

А.В. Я не могу сказать, что сильно шалил. Главной шалостью можно, наверное, считать то, что в 8 классе мы с одноклассниками создали рок-группу под названием «Меломаны». Нам тогда поручили организовать новогоднюю вечеринку.

Была в десятилетке такая традиция — каждый год за новогодний праздник отвечал конкретный класс. Сначала это была не рок-группа, а джаз-бэнд. Началось все с того, что Кирилл Кравцов — теперь он руководитель прекрасного коллектива Rastrelli Cello Quartet — захотел учиться на саксофоне. Ему нужны были единомышленники. И мы решили удивить всех джазом. У нас в классе учились Сережа Григорьев, довольно известный теперь в джазовом мире пианист, и Коля Сизов, который работает в Джазовой филармонии — руководит Трио Николая Сизова. Еще — скрипач Яков Марр, сейчас преподающий в музыкальном училище имени Римского-Корсакова. Они тоже вошли в состав нашего джаз-бэнда. Вместо контрабаса была использована виолончель без шпилья, поставленная на стул, а играл на ней Денис Кашин, ныне артист Мариинского театра. Мне же достались барабан и тарелки. Саша Ким, наш ударник, выдал мне две барабанных палочки. На первой же репетиции я сломал одну из них и так стеснялся в этом признаться, что пользовался лишь одной. Когда он спросил: «Почему ты играешь одной?» — я ответил: «У меня плохо с координацией, мне так удобнее». И вот, в таком составе мы вышли на сцену. Главный фурор произвел Кирилл с саксофоном, потому что все знали его как струнника. Это было очень забавно. Потом мы трансформировались в рок-группу, начали играть на гитарах; барабаны мне не понравились — я выбрал бас-гитару. На следующий год, когда я уже учился в Москве, мы тоже «обеспечивали» новогоднюю культурную программу, и я для этого специально приехал в Ленинград.

Д.Б. А где вы взяли электрогитары?

А.В. Мы с Денисом Кашиным нашли на свалке корпус электрогитары болгарского производства, из которого была выдрана вся электроника. При помощи дрели и еще каких-то инструментов мы соорудили струнодержатель. Купили за 7 рублей комплект струн советского производства, Денис приделал пару магнитов с проводками (это были звукосниматели), и гитара каким-то чудесным образом... заиграла! Были еще две акустические шестиструнки, самые недорогие. Увлечение это, возникшее в десятилетке, до сих пор с нами. Мы называем себя творческим объединением «Меломаны», и традиция собираться под Новый год сохранилась. Это замечательный способ раз в году выпустить накопившийся пар.

А.З. Это публичные выступления?

А.В. Когда я стал директором училища Римского-Корсакова, то был удивлен, что там напрочь отсутствует традиция отмечать праздники. Новый год, например, не праздновали вовсе, а для меня, причем с раннего

детства, это самый любимый и главный праздник. Вот я и подумал, что надо бы устроить новогодний вечер. Мы выступили с большим успехом. Как я уже сказал, под Новый год, 29 или 30 декабря, мы обязательно встречаемся в каком-нибудь клубе. Сначала студенты выступают со своими номерами, потом мы со своими. После часового концерта, у них — дискотека, а мы — по домам. Все очень довольны. В этом году будем играть в клубе «Зал ожидания».

А.З. Вы упомянули, что после 8 класса поехали учиться в Москву. С чем это было связано?

А.В. Знаете, всю жизнь у нас существовала легенда, что есть ленинградская школа, а есть московская. Сейчас я пришел к выводу, что это не совсем корректные определения: невозможно четко сформулировать, в чем разница. Наверное, применяются несколько разные методики. В Петербурге любят комплексное обучение музыке, то есть растят с молодых ногтей именно Музыканта. Это не только технология владения инструментом, а еще и развитие творческой личности, освоение различных музыкальных стилей, развитие хорошего вкуса... В Москве же изначально учат именно технологии, не давая до самой консерватории прикасаться к «высоким материям». Конечно, я считаю, что между московской и петербургской школой не должно быть никакого соперничества, потому что оба этих подхода имеют право на жизнь, и, как мне кажется, при занятиях с молодыми музыкантами они должны применяться в комплексе. Одно без другого просто не может существовать. Вероятно, поэтому мои родители и мой педагог Сергей Павло-

вич Ролдугин решили, что мне стоит поехать поучиться в Москву. Правда, через два с половиной года из Москвы я сбежал — не выдержал, потому что там дают так много знаний, связанных с исполнительским ремеслом и техникой, что в какой-то момент начинаешь ненавидеть музыку: она превращается из способа соприкоснуться с прекрасным в некий спорт. Я в тот момент не понимал, как это на самом деле важно!

Д.Б. А у кого Вы учились в Москве?

А.В. У замечательного педагога Гаяне Арташесовны Мндоян. Когда я вернулся в Ленинград, мне объяснили, что по действующим стандартам вернуться в десятилетку можно только с понижением на два класса. И тогда я попал в училище, которое окончил под руководством Георгия Израилевича Гиновкера, а потом поступил в Консерваторию — в класс Анатолия Павловича Никитина, спустя 12 лет после знакомства с ним.

Д.Б. Ваши родители тоже заканчивали десятилетку?

А.В. Да, и обе моих младших сестры — Алена и Анна. А теперь там учится играть на виолончели мой сын Николай. Младший сын Михаил, занимающийся в подготовительной группе, тоже кандидат в виолончелисты. Вот и получается, что со школой связана вся наша семья.

*С А. Н. Васильевым беседовали
заместитель директора Средней специальной
музыкальной школы Д. Ю. Брагинский
и заместитель главного редактора
журнала MUSICUS А. В. Зубарева*

Daria VARUL

Ten-year school: Eighty years of service to the Music

Дарья ВАРУЛЬ

Десятилетка: восемьдесят лет служения Музыке

История Средней специальной музыкальной школы началась за несколько лет до ее официального открытия. В 1931 году несколько профессоров-энтузиастов

This article tells about the formation and development of Secondary Special Music School of the St. Petersburg Conservatory (Ten-year school). Also the article presents curricula vitae of school principals and lead teachers, based on the special music school's archival material.

Keywords: Secondary Special Music School of the Leningrad Conservatory, history, 1936.

В статье рассказывается о периоде становления Средней специальной музыкальной школы Санкт-Петербургской консерватории (школы-десятилетки) и дается обзор ее последующего развития. На основе архивных материалов приводятся краткие биографические сведения о директорах и ведущих педагогах школы.

Ключевые слова: школа-десятилетка Ленинградской консерватории, история, 1936 год.

Ленинградской консерватории — Л. В. Николаев, С. И. Савшинский, О. К. Калантарова, А. Я. Штример, Е. В. Вольф-Израэль, И. Р. Налбандян и другие — нача-